

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Военно-морская наука в строительстве военного флота России

Адмирал флота в отставке И.М. КАПИТАНЕЦ

КАПИТАНЕЦ Иван Матвеевич родился 10 января 1928 года. На флоте с 1946 года. Окончил Каспийское ВВМУ (1950), Высшие специальные офицерские классы ВМФ (1957), Военно-морскую академию (1964), Военную академию Генерального штаба (1970). Командовал эсминцем, бригадой эсминцев СФ. Далее — начальник штаба 5-й (Средиземноморской) эскадры ВМФ (1970—1973), командующий Камчатской флотилией (1973—1978), первый заместитель командующего БФ (1978—1981), командующий Балтийским флотом (1981—1985), командующий Северным флотом (1985—1988), первый заместитель Главнокомандующего ВМФ (1988—1992).

В настоящее время — председатель морского отделения Академии военных наук РФ.

Военно-морская наука — теоретический фундамент развития флота

ВОЕННАЯ наука по своему содержанию является системой знаний о законах, военно-стратегическом характере войн, вооруженных конфликтов, путях их предотвращения, строительства и подготовки вооруженных сил и страны к обороне, способах ведения вооруженной борьбы. Военная наука опирается на достижения многих наук, которые изучают вооруженную борьбу, а также связанных с оборонными вопросами общественных, естественных и технических наук. С другой стороны, как и всякая отрасль науки военная наука имеет право на объективное существование, потому что имеет свойственный только ей *объект* (война) и *предмет* познания (вооруженная борьба).

Только военная наука исследует: характер и формы вооруженной борьбы, способы ее подготовки и ведения в стратегическом, оперативном и тактическом масштабах; состав, организацию и техническое оснащение вооруженных сил, необходимых для ведения вооруженной борьбы; процессы управления войсками и силами флота в мирное и военное время, их воинского обучения и воспитания; влияние вооруженной борьбы на экономику и экономическое обеспечение строительства, подготовки и боевого применения вооруженных сил и других войск и сил флота; прошлый военный опыт и многое другое. **Без всестороннего исследования этих специфических военных проблем невозможно создать теоретическую базу и осуществлять научную обоснованную военную деятельность государства.**

Военная наука находится на стыке общественных и естественно-технических наук, ей присущи черты наук фундаментальных и прикладных. Общим *объектом*, на который направлены усилия всех военно-теоретических исследований, выступает *война* и основа военной мощи страны — ее *армия* и *флот*, а также военная практика государства во всем ее объеме и многообразии. Объект этот чрезвычайно сложный и многоплановый. Его наиболее глубокие основы определяет политика. Основным *предметом* военной науки в целом является *вооруженная борьба в войне*. Безусловно, вооруженную борьбу нельзя отрывать от других форм борьбы, явлений общественной жизни, рассматривать ее изолированно от морально-политического, экономического и других факторов. При этом речь идет о *единой военной науке для всех видов вооруженных сил*. Это единство вызывается тем, что военная наука базируется на познании общих для вооруженной борьбы объективных закономерностей с учетом, конечно, специфики видов вооруженных сил и единства стратегии.

Содержание и направленность военной науки в целом обуславливается социально-экономической природой государства, его военной политикой и военной доктриной. Структура военной науки складывалась исторически параллельно с развитием военного дела и включает: общетеоретические основы, теорию военного искусства, теорию строительства вооруженных сил, теорию военного обучения и воспитания, теорию военной экономики и тыла, историю военного искусства, теорию управления и информационной борьбы, теорию вооружения. Исходя из объекта и предмета исследования военная наука нацелена на разработку технологии вооруженной борьбы, способов и средств ведения войны в конкретный исторический период.

Разумеется, каждый вид вооруженных сил имеет свои существенные оперативно-тактические и военно-технические особенности. В связи с этим вполне правомерно и целесообразно в составе единой военной науки иметь теории военного искусства и военного строительства видов вооруженных сил как частные науки. **Это в полной мере относится к военно-морской науке, имеющей наибольшую специфику в системе единой военной науки и характерные исторические корни своего возникновения.** Такова позиция по этим вопросам президента Академии военных наук генерала армии М. Гареева, таковы оценки Военной академии Генерального штаба и Главного штаба ВМФ.

Военно-морская наука как самостоятельная (в определенных границах) система специальных знаний о закономерностях функционирования и развития военно-морского флота приобрела настоящий свой статус в конце XIX века. В этот исторический период результаты научно-технического прогресса позволили создать совершенно новые по своим мореходным, техническим и боевым качествам броненосные корабли, а значит, поставить перед флотом более сложные и объемные задачи. Эти обстоятельства в свою очередь требовали разработки новых тактических приемов боевого использования сил флота, но теперь уже на основе теоретических знаний, полученных в результате научных исследований. Это стало возможным в силу развития как общей науки и ее методов исследования, так и отдельных ее отраслей, в которых быстрыми темпами разрабатывались теории и методы решения конкретных практических задач военно-морского искусства, кораблестроения, морских вооружений, маневрирования, управления, борьбы за живучесть кораблей, подготовки родов сил ВМФ и др.

Во второй половине XX века, благодаря усилиям фундаментальной и прикладных наук, военно-морская наука на основе имевшихся теоретических разработок обеспечила строительство океанского ракетно-

ядерного флота, имеющего в своем составе морские стратегические ядерные силы, силы общего назначения, и обосновала их применение на акватории Мирового океана.

Военно-морская наука, являясь составной частью военной науки, представляет собой единую систему знаний о закономерностях функционирования и строительства флота, обладающего сложными и разнообразными боевыми системами — не только по своему содержанию, условиям, формам и методам боевого использования, но и по их стратегической значимости и ударной мощи, а также по количеству и многообразию решаемых задач. Следует также отметить, что понятие «военно-морская наука» и область ее деятельности были закреплены в Указе Президента РФ от 27 июля 2001 года при принятии Морской доктрины как взаимосвязанные системы различных теорий, имеющих свое практическое воплощение как в военной, так и в морской деятельности. Структурная схема формирования военно-морской науки показана на рисунке.

Структурная схема формирования военно-морской науки

Многообразие задач в войне на море, сложность структур флота, а также условий их функционирования в специфических природных океанологических условиях требуют всестороннего научного обоснования целевого предназначения и строительства флота, его количественного и качественного состава, проведения комплекса исследований и разработок по определению наиболее эффективных способов боевого применения флота в войнах будущего.

Основным **предметом** военно-морской науки является *вооруженная борьба на море*. При этом предметная область расчленяется на ряд сфер

исследований, главными из которых являются прогнозирование военно-политической обстановки на морских и океанских театрах, определение роли и места родов сил флота на каждом морском театре, функционирование боевых систем флота самостоятельно и во взаимодействии с элементами других видов ВС, боевое и информационное обеспечение сил флота, приоритетность в строительстве родов сил флота и их систем вооружения, обеспечение управления силами флота в реальном масштабе времени, оперативная и боевая подготовка флотов, подготовка офицерских кадров флота.

В подготовке и строительстве флота военно-морская наука должна учитывать следующие основные факторы.

Первый. В последнее десятилетие структура Вооруженных Сил существенно изменилась. Произошли изменения и в структуре ВМФ, он стал утрачивать черты океанского ракетно-ядерного флота. Изменилось и содержание военных доктрин западных держав в связи с изменением материальной базы ведения войны на суше и море, в ходе которой ведущая роль все более отводится силам флота и авиации. В течение последних десяти лет США и некоторые другие страны НАТО ведут исключительно локальные войны с применением высокоточного оружия при обеспечении воздушно-космическими информационными системами.

Второй. Из анализа войн и военных конфликтов США и других стран НАТО против Ирака (1990—1991), Югославии (1999) и Афганистана (2001) видно, что приоритетное развитие получили виды вооруженных сил, рода войск и силы флота, оснащенные высокоточными средствами поражения дальнего действия, которые были интегрированы в разведывательно-ударные боевые системы и обладали способностью поражать обычным оружием объекты противника практически на всей его территории в реальном масштабе времени с высокой точностью.

Третий. Главные усилия в вооруженном противоборстве объективно смещаются в воздушно-космическую сферу и на море, так как носители высокоточного оружия - боевые корабли и авиация — действуют в этих сферах. Космические средства военного назначения становятся системообразующим военно-техническим инструментом ведения боевых действий бесконтактным способом.

Четвертый. Удары по военным и экономическим объектам в ходе воздушно-космическо-морской операции наносятся специально созданными боевыми разведывательно-ударными комплексами, одной из материальных и структурных основ которых является космические и воздушные системы освещения обстановки и целеуказания, а также воздушные и морские носители высокоточного оружия.

Следовательно, в современных условиях и в будущем задачи военно-морской науки должны включать: исследования по определению новых закономерностей вооруженной борьбы на море, разработку специальных теорий и методов этой борьбы в интересах решения определенных теоретических и практических задач, в первую очередь в войнах шестого поколения. К таким теориям прежде всего следует отнести: общую теорию стратегической стабильности и морской деятельности в мировом океане; теорию военно-морского искусства и информационного противоборства; теорию интеграции вооружения и военной техники корабля, соединения в единые разведывательно-ударные боевые системы, оперативно-стратегические метасистемы военного назначения и теорию их применения в военно-морском флоте; теорию центров боевого управления (освещения обстановки, разведки, связи, целеуказания и радиоэлектронной борьбы), интегрированные в региональные и глобальные много-

функциональные системы; теорию комплексного огневого поражения; теорию оборудования и использования воздушно-космических средств на сухопутных и морских театрах военных действий. Кроме того, военно-морская наука использует как базовые общие положения военной науки, ее теорию и принципы, так и необходимые теории, методы и результаты естественных, технических и общественных наук, органически связанных с военно-морским делом. Таким образом, **военно-морская наука — теоретический фундамент развития флота; ее главной целью является научное обоснование строительства сбалансированного флота**, его качественного и количественного состава, методов и способов ведения вооруженной борьбы на море и обороны страны с океанских и морских направлений.

Военно-морская наука о путях строительства сбалансированного флота

Исходя из анализа войн и вооруженных конфликтов 90-х годов XX века и тенденций войн будущего, где приоритет отдается авиации и силам флота, военно-морская наука в силу появления новых факторов, определяющих роль и значение ВМФ, должна практически по-новому обосновать сбалансированность флота. Проблемы сбалансированности флота определяются в настоящее время следующими причинами: началом нового этапа в развитии флота, который вызван переходом к войнам нового поколения; невозможностью быстрого изменения баланса сил флота, достигнутого в условиях господства в государстве определенных взглядов на эту проблему, из-за продолжительности и затратного строительства его боевых и обеспечивающих систем; большой неопределенностью долгосрочного прогнозирования военно-политической обстановки, направления развития флотов других государств, характера войны будущего в целом и на море в частности, что необходимо для определения задач ВМФ; внезапностью качественных скачков в развитии сил флота, вызываемых научно-техническим прогрессом, зачатую неожиданных из-за тщательно сокрытия разработок от противной стороны; большими трудностями принятия решения при создании новых подсистем флота и тем самым внесения изменений в такую сложную метасистему, какой является военно-морской флот в научно-теоретическом и в организационно-практическом отношении; перестройкой военно-научного комплекса ВМФ в целях обеспечения развития сбалансированного флота с учетом характера будущей войны.

Таким образом, **сущность сбалансированности флота заключается в создании многофункциональных боевых систем, обеспечивающих применение родов сил флота в стратегическом, оперативном и тактическом масштабах для максимальной реализации боевого потенциала сил флота.**

Строительство сбалансированного флота с учетом характера будущей войны может быть достигнуто следующими путями:

во-первых, последовательного и твердого курса на обеспечение национальной безопасности в глобальном и региональных масштабах с учетом роли морской составляющей в обороне страны;

во-вторых, реализации научно разработанной и экономически обоснованной военной и морской доктрин с учетом сохранения преемственности и дальнейшего наращивания морской мощи государства;

в-третьих, разработки и обоснования приоритетности в строительстве и использовании родов сил флота на морских и океанских ТВД;

в-четвертых, определения на основании задач, поставленных ВМФ, целесообразного количественного и качественного состава флотов на морских театрах с учетом возможных угроз;

6-пятих, всестороннего военно-технического обеспечения сбалансированного флота, включающего в себя глобальную и региональные системы освещения обстановки, связи, навигации, командных пунктов, носителей высокоточного оружия, объединенных в разведывательно-ударные комплексы, и системы боевого управления на океанских и морских ТВД в целях информационного обеспечения сил флота в реальном масштабе времени;

6-шестых, сбалансирования флота на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях.

Исходя из оценки будущей войны на море при создании сбалансированного флота приоритет должен быть отдан *морским стратегическим ядерным силам и силам общего назначения*, способным обеспечить предупреждение агрессии, ее надежное отражение и нанесение ответных ударов.

Безусловно, для предупреждения агрессии основную роль в сбалансированном флоте должны играть средства боевого обеспечения — разведка и целеуказание, что позволит упредить противника в ударах и реализовать в кратчайший срок боевой потенциал сил флота. Соединение боевых кораблей должно быть основой разведывательно-ударной боевой системы, а боевой корабль — основным элементом этой системы. На корабле системы управления оружием и техническими средствами должны быть интегрированы в единую корабельную разведывательно-ударную боевую систему.

Сбалансированность флота в условиях войн шестого поколения заключается в том, чтобы все элементы, составляющие его боевую мощь, и средства их обеспечения, постоянно представляли **единую разведывательно-ударную боевую систему** и находились в наиболее выгодном сочетании, при котором флот может полностью реализовать свой боевой потенциал и выполнить задачи в условиях любой возможной войны.

Каждая страна имеет специфическую потребность в морских силах, и только эта потребность определяет задачи флота и может служить основанием для развития родов его сил, классов и типажа кораблей и оружия. В основе руководства строительством российского флота и определения характера сбалансированности его сил лежат положения Военной и Морской доктрин, опирающихся на исследование военно-морской науки, практический опыт, экономические возможности страны и ее научный потенциал, методы прогнозирования характера будущей войны на море и материальной базы ее ведения.

История дает немало поучительных примеров, когда недооценка вопросов сбалансирования флота приводила к его поражению в войне. Об этом свидетельствует Русско-японская война (1904—1905), Первая (1914—1918) и Вторая мировые войны (1939—1945).

Разобщенность морских театров, примыкающих к побережью России, различие их военно-географических условий и характеристик флотов и намерений вероятных противников на этих театрах требуют по-разному решать вопрос о том, какие силы и в каком количестве создавать для каждого из них. Безусловно, каждый из флотов должен быть так сбалансирован, чтобы противостоять на своем театре (в операционной зоне) группировкам ВМС как отдельно взятых прибрежных государств, как и военных союзов государств в случае необходимости их силового сдерживания.

Из анализа вооруженных конфликтов и локальных войн конца XX века вытекает необходимость создания на базе нашего океанского ракетно-ядерного флота нового сбалансированного флота, способного

решать задачи на основе комплексных разведывательно-ударных боевых систем, где «идеология» и «технология» соответствуют друг другу. Сбалансированность в решении задач родов сил флота и обеспечивающих систем должна быть достигнута на базе применения высокоточного оружия, единого информационного поля и автоматизированных систем управления в реальном масштабе времени.

Военно-Морской Флот — это прежде всего **единая многофункциональная стратегическая структура**, созданная благодаря научному и экономическому потенциалу страны, жизнеспособная только при наличии прочных внешних и внутренних связей между кораблестроением и вооружением, комплектованием и подготовкой кадров, развитием теории военно-морского искусства и оперативной и боевой подготовкой, базированием и судоремонтом, системой управления и оборудованием морских театров и другими составляющими, в сумме создающими современный сбалансированный флот, способный к действиям на всем пространстве Мирового океана для гарантированной защиты национальных интересов России. Достижение сбалансированности — *это новый этап в развитии флота России, сущность и содержание которого будет способствовать переходу от традиционного к системологическому подходу в познании вооруженной борьбы на море.*

Свойства боевых систем противоборствующих сторон и механизм их информационного, огневого и радиоэлектронного воздействия друг на друга применительно к вооруженной борьбе на море показывают, что конечная цель современных операций и боевых действий флотов может быть достигнута не только путем поражения ударных группировок противника, но и путем нарушения или подавления его отдельных функциональных свойств. Например, прерыванием потока информации, подавлением интеллекта, лишением боевой устойчивости, скрытности, наблюдаемости и управляемости боевых систем противника можно заставить его отказаться от планируемых боевых действий.

Как видим, новые формы познания способны существенно расширить возможности по изучению механизмов вооруженной борьбы на море с применением нового оружия и технических средств, в результате чего появляется возможность принципиально по-новому решать актуальные проблемы и задачи строительства сбалансированного военно-морского флота России, его подготовки и применения в различных условиях обстановки в будущей войне.

Таким образом, для развития теории и практики строительства сбалансированного военного флота необходимы научные разработки *всего военно-морского научного комплекса ВМФ* (собственно — военно-морской науки) и дальнейшая их поэтапная реализация во взаимодействии с фундаментальной и прикладными науками. При этом надо исходить из того, что сбалансированность флота должна формироваться и определяться в следующих аспектах: **военно-политическом** — с характеристикой роли и места ВМФ в обороне страны с морских направлений; **военно-стратегическом** — с определением приоритетности родов сил флота на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях в войне на море; **военно-техническом** — с обеспечением интеграции носителей высокоточного оружия в единые информационно-боевые системы различного назначения при их использовании совместно с другими видами Вооруженных Сил.

Таковы, на наш взгляд, основы строительства сбалансированного военного флота России.

Как же следует относиться к опыту преподавания?

*Полковник в отставке Н.М. ИЛЬИЧЕВ,
доктор философских наук*

ИЗВЕСТНО, что в отношении к прошлому имеются три основные точки зрения: нигилистическая, апологетическая и диалектическая. Сущность *первой* фактически выразил О.К. Мешков, который в статье «Видовая академия: проблема подготовки военных кадров» пишет: «В настоящее время система подготовки офицерских кадров в военных вузах продолжает ориентироваться на требования 70—80-х годов прошлого столетия, поскольку большинство преподавателей в этой системе — это представители советской военной школы. Поэтому мы обучаем кадры не тому, что надо (поскольку это «надо» конкретно не определено), а тому, что знаем, опираясь на опыт войн и преемственность научных и педагогических школ. В таких условиях никакие реформы не могут быть успешными ни в отношении самой кадровой составляющей, ни в отношении всей системы подготовки кадров для обеспечения военной безопасности страны. До тех пор пока не станет ясно, кого надо готовить с учетом требований завтрашнего дня, военная школа будет продолжать готовить того, кто был нужен вчера»¹.

Как видим, главный недостаток формирования нынешних военных кадров автор видит в том, что современные педагоги опираются «на опыт войн и преемственность научных и педагогических школ», что подобная практика обучения защитников Отечества завтрашнего дня ведет к подготовке «того, кто был нужен вчера»².

Автор разделяет позицию некоторых западных военных теоретиков. «Прошлое ничего не дает для будущего, и последнее должно быть создано заново» — утверждал, например, Д. Дуэ³. Ему вторили Т. Метаксис и С. Голдберг, провозглашавшие, что военная история «потеряла значение звена в науке, на которое можно было опираться»⁴. Однако подобного рода метафизическое отрицание лишает его познавательного значения, ибо, как доказывал еще Гегель, скептик успокаивается на этом отрицательном результате и не идет дальше. И действительно, трудно получить глубокое и всестороннее знание о предмете, если его рассматривать в отрыве от прошлого. Научную истину, как правило, можно получить лишь тогда, когда логический ход познания скреплен с историческим развитием изучаемого предмета.

Так, древнегреческий мыслитель Платон, рассуждая о принципах воспитания «стражей», писал: «Ведь правильное воспитание и обучение пробуждает в человеке хорошие природные задатки, а у кого они уже были, те благодаря такому воспитанию становятся еще лучше — и вообще, и в смысле передачи их своему потомству»⁵. Древнеримский государственный деятель и мыслитель Цицерон отмечал, что «сын мой Марк должен унаследовать мою славу

¹ Военная Мысль. 2005. № 4. С. 30—31.

² Там же. С. 30.

³ Дуэ Д. Господство в воздухе. М., 1936. С. 69.

⁴ Метаксис Т., Голдберг С. Пентомическая дивизия. М., 1959. С. 35—36.

⁵ Мыслители Греции. От мифа к логосу. Харьков. 1998. С. 207.

и подражать моим деяниям»⁶. Леонардо да Винчи также считал, что «мудрость — дочь опыта». Поэтому рекомендовал: «Приобретай в юности то, что с годами возместит тебе ущерб, причиненный старостью. И поняв, что пищей старости является мудрость, действуй в юности так, чтобы старость не осталась без пищи»⁷. А кому не известны знаменитые слова великого И. Ньютона, четко признавшего глубинные истоки своего гениального творчества: «Стою на плечах гигантов!». Идеолог молодой прогрессивной английской буржуазии нового времени Ф. Бэкон полагал целесообразным использовать богатый опыт прошлого по поднятию высокого морального духа воинов. «В древности, — писал мыслитель, — все воодушевляло воинов: и трофеи, устанавливаемые на месте победы, и надгробные речи, и памятники павшим в бою, и триумфальные встречи вернувшимся полководцам, и щедрые дары воинам, распускаемым по домам»⁸.

М.В. Ломоносов отмечал, что подъему морального духа способствуют традиции героической борьбы народа за интересы Родины. С этой целью в ряде своих произведений он воспроизводил героическое прошлое нашего народа, призывал помнить мужество киевских князей Святослава и Владимира, Дмитрия Донского и др.⁹ А.В. Суворов постоянно «советовался» со своими, как он отмечал, «современниками» — великими полководцами прошлого, рекомендовал молодым командирам «взять себе в образец героя, наблюдать его, идти за ним вслед, поравняться, обогнать»¹⁰. Декабристы подчеркивали значение систематической пропаганды традиций героизма народов нашей страны в защите Родины. Н.М. Муравьев сетовал на отсутствие «хороших исторических книг», которые особенно необходимы «для военных, беспрестанно поучающихся в истории браней. Россия имела Румянцевых, Суворовых, Каменских, Кутузовых, но дела их никем надлежащим образом не описаны — они как бы достояние другого народа. Юный воин, лишенный отечественных сих пособий должен пользоваться примерами других народов, как будто мы скудны своими»¹¹. Декабрист генерал М.Ф. Орлов призывал офицеров изучить опыт взаимоотношений выдающихся русских полководцев с солдатами: «Обратимся к нашей военной истории: Суворов, Румянец, приобретшие себе и Отечеству славу, были друзьями солдат и пеклись о их благосостоянии. Все же изверги, кои одними побоями доводили их полки до наружной исправности, все погибли или погибнут; вот примеры, которые ясно говорят всем и каждому, что жестокое обращение с нижними чинами противно не только всем правилам, но и всем опытам»¹².

О.К. Мешков особенно нигилистически настроен к опыту преподавателей «советской военной школы». Оказывается, именно «поэтому мы обучаем кадры не тому, что надо (поскольку это «надо» конкретно не определено), а тому, что знаем, опираясь на опыт и преемственность научных и педагогических школ»¹³. А разве выпестованные «советской школой» командиры всех уровней не громи-

⁶ Мыслители Рима. Наедине с собой. Харьков. 1998. С. 280.

⁷ Вестник Российского философского общества. 2005. № 2. С. 37.

⁸ Бэкон. Ф. Сочинения в 3-х т. М., 1965. Т. 2. С. 423.

⁹ Ломоносов М.В. Стихотворения. М., 1954.

¹⁰ Суворов А.В. М., 1950. С. 24.

¹¹ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. В 3-х т. М., 1965. Т. 1. С. 338.

¹² Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. В 3-х т. М., 1965. Т. 1. С. 301.

¹³ Военная Мысль. 2005. № 4. С. 30.

ли немецких и других захватчиков, освобождая народы Восточной Европы и Дальнего Востока? Разве не давали высочайшие оценки ратному искусству наших полководцев видные государственные и военные деятели других стран во время Великой Отечественной войны? Эйзенхауэр, к примеру, писал: «Как солдат, наблюдавший компанию Красной Армии, я проникся глубочайшим восхищением к мастерству ее руководителей». Начальник штаба армии США во Второй мировой войне Маршалл также отмечал: «Просто поразительно как им удается в столь короткие сроки сосредоточить массу пехоты и танков. Еще вчера здесь не было ничего, а сегодня уже рвется целая армия». Английский военный теоретик Л. Гарт сравнивал действия советского командования с игрой пианиста, ударявшего «то в одной стороне клавиатуры, то в другой стороне». Даже Геббельс признавался в своем дневнике: «Сообщаю фюреру о представленной мне для просмотра книге Генштаба о советских маршалах и генералах, добавляя, что у меня сложилось впечатление, будто мы вообще не в состоянии конкурировать с такими руководителями. Фюрер полностью разделяет мое мнение. Сталин имеет все основания чувствовать, прямо как кинозвезд, советских маршалов, которые проявили выдающиеся военные способности»¹⁴.

Что касается вообще системы отечественного образования, то и оно демонстрировало свои преимущества. Всему миру известно, что треть ученых мира были из нашей страны. И они давали четвертую часть мировой научной продукции, причем в ведущих отраслях знания: в освоении космоса, в применении ядерной энергии в мирных целях, в развитии авиации, в исследовании лазера и т. д. В 50-х годах XX века бестселлером стала книга «Что Иван знает, того Джон не знает», написанная Риквером, «отцом» американских атомоходов, лично убедившегося в превосходстве нашего школьного образования. Тогда же президент США Дж. Кеннеди заявил, что исход «холодной войны» решается в школах. Поэтому расходы на образование в США увеличили в бюджете с 4 до 12 %. К сожалению, у нас возобладала противоположная тенденция.

Следует отметить, что В.В. Путин не раз говорил о необходимости опираться на ценные традиции отечественного образования. На совещании ректоров ведущих вузов страны он подчеркнул, что модели отечественного образования «выдержали проверку временем, оказались вполне достойного качества. Этот факт сегодня не оспаривается ни внутри страны, ни за рубежом»¹⁵. Он отметил, что «благом для нашей страны является сохранение лучших стандартов и традиций классической российской школы образования». Президент критиковал «новации» — платные вузы, представляющие по его словам, «просто обман населения и государства. Бумажки выдают»¹⁶. Мысль о необходимости использования исторического опыта российской педагогики он повторил и в поздравлении участникам IV Российского философского конгресса: «Уверен, что, опираясь на научное и духовное наследие выдающихся умов прошлого, вы внесете достойный вклад в глубокий и всесторонний анализ... важнейших философских проблем»¹⁷. Следует отметить, что выдающиеся деятели педагогики Запада, обеспокоенные попытками «реформировать» систему нашего отечественного образования, тоже встрево-

¹⁴ Советская Россия. № 56-57. 2005.

¹⁵ Высшее образование в России. 2003. № 1. С. 5.

¹⁶ Там же. С. 8—9.

¹⁷ Вестник Российского философского общества. 2005. № 2. С. 15.

жились. Их мысли выразили лауреаты Нобелевской премии К. фон Кнетциг и Ж. Тхоофт: «Берегите свою систему образования»¹⁸.

Нельзя не разделить мнение адмирала В.И. Куроедова о том, что «именно сегодня настала пора пересмотра «демократического» начала в военно-морских учебных заведениях, где должны возродиться лучшие традиции русского офицерского корпуса, дух устава и настоящей военной службы»¹⁹. Справедливо отмечают ряд авторов, что в истории не было ни одной войны, исключавшей полностью военное искусство прошлого: всегда сохранялись какие-то рациональные моменты. Прав генерал армии М.А. Гареев, считающий, что «извратив и измазав грязью прошлое страны, на пустом месте никакого добротного будущего построить невозможно. И на примере штрафбатов достойное поколение не вырастить, не говоря уже о воспитании российских воинов»²⁰.

Столь же вредна, непродуктивна, реакционна и вторая позиция подхода к прошлому — *апологетическая*, проявляющаяся в консерватизме, в попытке оставить неизменным то, что уже отжило свой век. Наиболее опасен консерватизм в торможении применения новых способов боевых действий. Л. Гарт обоснованно полагал, что причиной быстрой парализованности французских войск во время Второй мировой войны была их воспитанность на традициях медленных темпов развития военных действий периода Первой мировой войны²¹. Подобные погрешности имелись и в военной практике перед Великой Отечественной войной. Маршал Советского Союза Г.К. Жуков писал, что «довоенные руководящие работники Наркомата обороны и Генштаба слишком канонизировали опыт Первой мировой войны, готовились вести войну по старой схеме, ошибочно считая, что большая война начнется, как и прежде, с приграничных сражений, а затем уже только вступят главные силы противника. Но война, вопреки ожиданиям, началась сразу с наступательных действий всех сухопутных и воздушных сил гитлеровской Германии»²².

Что же касается *диалектического* подхода, то в нем прошлое не исчезает абсолютно, не оставив никакого следа. С разрешением противоречия часть старого переносится в новое в качестве основы развития. То есть происходит не только отрицание отжившего, старого, но и утверждение в новом известных положительных свойств прошлого. Такое отрицание носит название *снятие*. Гегель писал, что снятие означает «сберечь, сохранить и вместе с тем прекратить, положить конец»²³. Следовательно, категория «снятие» выражает противоречивую природу диалектического отрицания, включающую как уничтожение; так и сохранение. Тем самым обеспечивается связь старого и нового, *преемственность* в развитии. Наиболее эффективно передача военного опыта реализуется через людей. Выдающиеся полководцы и военные теоретики прошлого отмечали особенности и значение преемственности в военном деле. А.В. Суворов подчеркивал, что «без светильника истории тактика — потемки». Французский военный теоретик Г. Жомини заявлял, что «римляне были обязаны величием своего государства объединению гражданских доблестей с военным духом, перешедшим из

¹⁸ Независимая газета. 2001. № 24.

¹⁹ Военная Мысль. 2004. № 7. С. 43.

²⁰ Там же. 2005. № 5. С. 10.

²¹ Гарт Л. Стратегия не прямых действий. М., 1957. С. 327.

²² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1995. Т. 2. С. 79.

²³ Гегель. Соч. Т. 5. С. 99.

учреждений в обычаи. Когда они утратили свои добродетели и, перестав смотреть на военную службу как на честь и долг, представились наемникам — готам, герулам и галлам, — гибель империи стала неизбежной»²⁴. Вместе с тем *диалектическое отрицание* предполагает не механическое повторение старого в новом, а удержание его их в *критически переработанном* виде. Это требование особенно необходимо учитывать при обеспечении развития современного военного дела.

Вся общественно-историческая практика говорит о **необходимости нового**, т. е. вновь возникшего, способствующего прогрессивному развитию. Чем это объясняется? Во-первых тем, что новое лучше соответствует изменившимся условиям, а во-вторых тем, что новое по своему содержанию — высшая ступень развития предмета и полнее отвечает интересам прогрессивных сил общества. Следует, однако, иметь в виду, что не все, представленное как новое, является таковым. Обнаружить действительно новое — задача не из легких. Ошибка, связанная с обеспечением безопасности нашей Родины, может иметь тяжелые последствия. М.В. Фрунзе отмечал, что серьезные нововведения в военном деле, играющем решающую роль в судьбах государства, должны проводиться с сугубой осторожностью. Тут вполне уместна пословица «семь раз отмерь — один раз отрежь»²⁵.

В приведенной в самом начале цитате О.К. Мешкова содержится также и упрек современным военным педагогам России: они обучают слушателей и курсантов не тому, что надо, но и это «надо» «конкретно не определено»²⁶. Станный упрек! Спрашивается, почему же «не определено», если обучение проходит в соответствии с государственными стандартами, приказами министра обороны, методическими указаниями и т. д.? Можно говорить, допустим, о каких-то недостатках названных и других документов, но как можно утверждать, что подобных вообще нет? Тут просто какая-то мистика!

Заметим, что в последние годы подвергаются необоснованной критике и другие апробированные и показавшие свою жизненность положения отечественной высшей школы. Чего, например, стоит настойчиво внедрявшийся тезис — «вуз не школа памяти, а школа творчества». На одном из круглых столов журнала «Вопросы философии» М. Розин возмущался: если «мы будем продолжать обучать знаниям — это тупик»²⁷. Поэтому якобы надо «учить не знаниям, а готовить человека к жизни». Странно, как будто возможна подготовка к жизни без использования знаний! Эту идею поддержал и А.Г. Асмолов, настаивавший, что следует учить не памяти, а умению принимать решения в стрессовых ситуациях. Как будто можно принимать правильное, соответствующее обстановке решение без профессиональных знаний, обретенных при посредстве памяти.

Войну знаниям, памяти открыли и некоторые военные преподаватели. В.И. Куликовский сетует на то, что «по-прежнему продолжает функционировать в вузах «школа памяти», что утратила свою привлекательность и более не работает эффективно сложившаяся традиционная модель высшего образования (с ее концепцией обучения военных специалистов) передачи добытого опыта, трансляции конкретной суммы знаний, накопленных предыдущими поколениями»²⁸. Более того, он выступает противником «линейного

²⁴ Ж о м и н а Г. Очерки военного искусства. М., 1939. С. 47.

²⁵ Ф р у н з е М.В. Избранные произведения. В 2-х т. М., 1957. Т. 2. С. 317.

²⁶ Военная Мысль. 2005. № 4. С. 30.

²⁷ Вопросы философии. 1992. № 9. С. 11.

²⁸ Актуальные проблемы вузов ВВС. Выпуск II. М., 1995. С. 26—35.

приращения и передачи военным специалистам исторически выработанных знаний», ориентации учебного процесса «на сообщение готовых знаний и заучивание». Подобные установки пытаются реализовать под флагом борьбы с догматизмом и консерватизмом, за осуществление «в учебном процессе вузов методологических и практических проблем формирования творческого уровня знаний — умений». И тем не менее, как бы забывая свое возмущение, В.И. Куликовский призывает ввести в программы вузов новые учебные дисциплины — логику, риторику, кибернетику, системный анализ, систему форм и методов военно-научного исследования. Но кому же не известно, что логика нужна, чтобы обеспечить слушателям и курсантам знание основных форм и законов правильного мышления. А разве это возможно без памяти? Какие же тогда основания для дискредитации памяти? Справедливо заметил ректор МФТИ Н.Ф. Карпов: «Нет интуиции без эрудиции».

Конечно, отрицание знаний, памяти как условия функционирования творческого мышления не является изобретением отечественных авторов. С этой идеей уже выступали представители ряда западных философских направлений. Так, этот тезис является ключевым в философии экзистенциализма. Гордясь «абсурдностью» своей философии, эти мыслители утверждают, что высшее качество сознания, обеспечивающее свободную деятельность индивида, является необремененность его грузом знания. Поэтому один из видных представителей данного течения М. Хайдеггер возмущался, что современный университет «не учит мыслить, он лишь дает накопление знания»²⁹.

К сожалению, попытка соорудить пропасть между творчеством и памятью проявляет себя и в других формах. Так, В. Петров пишет: «Прежде всего необходимо уяснить себе, какого типа высшая школа нам нужна: «школа памяти» или «школа знания»? Кого мы желаем видеть в курсантах: зубрил, сдающих зачеты и экзамены при помощи «подсобного» материала и всегда надеющихся на «счастливый» случай, или тех, кто настойчиво накапливает в рабочих тетрадях дидактический материал»³⁰. Во - п е р в ы х, как отмечалось, странно видеть противоречие между «школой памяти» и «школой знаний». Разве возможны знания у человека без памяти? Более того, рост значения науки повышает требования к уровню и качеству памяти, знаний. Нельзя не согласиться с заявлением академика Д.С. Лихачева о том, что «чем выше уровень жизни, тем большую роль играет память», поскольку рост культуры человека зависит от его памяти. Во - в т о р ы х, разве хорошая память обязательно предполагает деятельность «зубрил»? Разве не является фактом, что в военных вузах поощряется осмысленное запоминание фундаментального материала, исключающее всякую «зубрежку»? В - т р е т ь и х, напрасно автор стремится найти противоречие между подсобным и дидактическим материалом. Фактически это одно и то же. И важно не пресекать одно, поощряя другое, а создавать условия, чтобы этот материал не служил средством обмана преподавателя, формирования у курсанта нечестности, а был действительно подсобным материалом для более основательного, полного усвоения программного материала. Именно поэтому и нельзя согласиться с предложением автора о том, чтобы конспект курсанта был подспорьем в подготовке ответа непосредственно на экзамене. Если такое будет внедрено, то экзамен

²⁹ Вопросы философии. 1992. № 9. С. 13.

³⁰ Армейский сборник. 1996. № 9. С. 63.

превратится не в проверку знаний курсанта, умения их применять для решения конкретных жизненных вопросов, а лишь навыкам переписывать, а затем формально, бездумно зачитывать. Нетрудно себе представить, что дает такое «умение» военному человеку, если на поле боя он будет «волочить» за собой десяток чемоданов с «дидактическими», как выражается автор, материалами. Ведь если на экзамене имеется конспект, то нет надобности знать материал. А без знаний, как известно, нет командира, воспитателя.

Одним из направлений снижения качества подготовки военных кадров является стремление принизить значение требовательности к курсантам. З.Т. Соболевская, к примеру, сетует, что до сих пор «в основе авторитарного подхода лежит нормативная педагогика, педагогика требований»³¹. А разве возможна продуктивная педагогика без требований? Желание создать подобную не раз завершались провалами. Неслучайно американцы, чтобы ликвидировать пробелы, вынуждены были заимствовать положительные моменты нашей педагогики, в основе которой лежит постоянная требовательность преподавателя к себе и обучаемым, обучаемого к самому себе и в определенной степени к преподавателям путем постановки ему вопросов, стимулирующих необходимость расширения знаний у педагогов. Еще большее недоумение вызывает претензия З.Т. Соболевской к военным педагогам в связи с тем, что для них «выполнение формальных требований было и остается главным»³². А что тут собственно плохого? Разве не на этом строится главное в жизни армии? Разве приказ не стал быть законом для подчиненного? Как же можно не проявлять жесткий формализм, например, в безусловном выполнении известных правил безопасности в обращении с современным оружием, при выполнении боевых задач? Ведь нет же в большинстве случаев возможности разъяснять, например, каждому солдату замыслы командующего. Для этого в боевой обстановке нет времени, да и не позволяет необходимость сохранения военной тайны. Поэтому только непонимание специфики подготовки военного руководителя может породить подобные претензии к преподавателям военных вузов. Разумеется, это не значит, что следует ограничиваться только формальными требованиями. Надо разъяснять и содержательную сторону. Но, повторяю, это не всегда возможно по многим указанным и другим причинам.

В связи с намерениями отвержения требовательности в преподавании наблюдается также тенденция отказаться от принципа использования личного примера преподавателя. Более того, по мнению К.П. Иванова, «в рамках действия установки «делай, как я», духовности быть не могло, осуществлялось жесткое следование предписанию»³³. Как видим, и здесь проявляется неприязнь к предписаниям. А ведь в предписаниях, т. е. в уставах, наставлениях, различных обобщениях сконцентрирован богатейший, ценнейший опыт по всем направлениям военной деятельности. Какие же основания расценивать этот опыт помехой духовности? Наоборот, знание героизма русских чудо-богатырей А.В. Суворова наполняет сознание воина духовностью патриотизма, готовности выдерживать любые испытания во имя победы над врагами Отчизны. Разумеется, вооружение опытом прошлых поколений не должно закрывать дорогу обобщению новых явлений, требующих неорди-

³¹ Актуальные проблемы вузов ВВС. Выпуск II. М., 1995. С. 44.

³² Там же.

³³ Там же. С. 8.

нарного поведения. То есть необходимо, еще раз отметим, диалектическое сочетание как положительного прежнего, так и возникшего в новых условиях, а не узкое метафизическое примыкание только к новому с абсолютным нигилистическим отбрасыванием накопленного или к догматическому упованию на прежний опыт, пусть даже принесший в прошлом победу. Поэтому ошибочно утверждение К.П. Иванова, что опора на положительный опыт, выраженный в предписаниях, «не давал возможности личности свободно ориентироваться в жизни»³⁴. Что имеет в виду автор под «свободной ориентацией в жизни»? Это что, самовольный уход с боевого дежурства на танцы? Но если вручить такую «свободу» воинам, то возникает вопрос: зачем они вообще нужны?

Идеалом ревнителей «свободной ориентации» является «возможность слушателей работать по индивидуальному плану, вплоть до выбора слушателями форм государственного экзамена»³⁵. Интересно, можем ли мы сказать, что все слушатели достигли уровня понимания совокупности качеств, которые необходимы для настоящего, современного защитника Родины? Сколько среди них еще таких, которые «с легкостью необыкновенной» предпочли бы государственный экзамен прогулке на катере по реке! Поэтому названное предложение — это путь фактического разложения армии. К сожалению, есть и противники «преобладающей формы зачетов и экзаменов», где якобы делается «упор на механическое запоминание», которое будто бы «требует сиюминутных знаний». Во-первых, не верно, что в академиях и училищах существует ориентация на механическое запоминание; большинство курсантов и слушателей подтвердят, что обеспечивается творческое усвоение знаний. А во-вторых, упомянутое предложение фактически представляет собой отказ от усвоения курсантами определенной системы знаний. Для этого рекомендуется, чтобы экзамены проводились «в форме беседы слушателя с преподавателем и общения равных заинтересованных коллег, при котором преподаватель выступает как консультант»³⁶. То есть предполагается еще одна дополнительная уловка для обеспечения безответственности слушателя. Получается, что он должен приходиться на экзамены не с суммой обретенных знаний, а лишь с пассивной готовностью или формальным безразличием выслушать очередную консультацию. А если учесть стремление ряда выпускников не обременять себя знаниями, помноженное на безудержную проповедь по многим СМИ ненужности знания, культивирование мистики, оккультизма, то нетрудно представить, с каким багажом военных и других знаний окажется выпускник вуза.

В этом, видимо, и заключается пресловутая цель «перехода от авторитарного подхода в обучении к демократическому»³⁷. Как будто авторитет военного преподавателя вредил усвоению курсантами и слушателями знаний, воспитанию их как защитников Отчизны. Под видом внедрения «педагогике сотрудничества» снимается авторитет преподавателя, выражающейся в том, что между ним и слушателем должно быть противоречие: преподаватель лишь постольку преподаватель, поскольку он знает больше чем слушатель. Если этого противоречия нет, то фактически нет как преподавателя, так и учебного процесса. Не в этом ли состоит конечная цель

³⁴ Актуальные проблемы вузов ВВС. Выпуск II. С. 8.

³⁵ Там же. С. 46.

³⁶ Там же. С. 47.

³⁷ Там же. С. 45.

так называемой «педагогике сотрудничества», предполагающей «идти не с предметом к слушателю, а со слушателем к предмету»³⁸. Тем самым преподавателю дается совет: не будь вооружен большими, чем слушатель знаниями, держись на его уровне и вместе с ним постигай азы науки. Идеал поучателя такой, какой проявляется у учителя из того анекдота, когда он столько раз повторял ученику содержание учебного материала, что даже сам его усвоил. Иначе говоря, образцом преподавателя провозглашается в высшей степени безответственный человек, приходящий неподготовленным на занятия, не повышающий знаний и обретающий их лишь в общении со слушателем.

Умалению роли преподавателя в учебном процессе служит также «демократический принцип» вести «межличностный диалог на основе равенства позиций»³⁹. Тогда естественен вопрос: зачем вообще нужен подготовленный преподаватель, да и вообще преподаватель? Ведь абсолютное равенство в учебном процессе выражается, прежде всего, в равенстве в знаниях. Именно это непереносимое условие равног диалога.

Из такого понимания соотношения преподавателя и курсанта вытекают вполне логично главные задачи последнего в высшем учебном заведении. Они состоят, оказывается, в том, чтобы «совершенствоваться знания по своей специальности, получить должность, позволяющую в большей степени реализовать свои индивидуальные способности, продолжать обучение в адъюнктуре»⁴⁰. Как видим, снимается основная цель пребывания в военном вузе: умело командовать, обучать и воспитывать своих подчиненных, обеспечивать выполнение всех задач, постоянно содержать в боевом состоянии технику и т. д. То есть, устраняются главные государственные, общественные обязанности выпускника военного вуза, ликвидируется коллективизм, формируется индивидуализм: только для себя и ничего обществу! Ведь ни слова не сказано о формировании морально-боевых качеств, научного мировоззрения, патриотизма. Уже упомянутый К.П. Иванов также требует пересмотреть традиции, сложившиеся «на основе признания приоритета ценностей общества, коллектива, ибо это требует новое восприятие индивидуальных возможностей человека». Он возмущен тем, что раньше «ценным являлось только то, что оказывалось необходимым коллективу»⁴¹.

Конечно, неправда, что раньше пренебрегали интересами отдельного человека. Ведь давно известно, что успех отдельной личности определяется в значительной степени успехами коллектива. Еще А.В. Суворов учил: «Сам погибай, а товарища выручай». Так что коллективизм оказывался вовсе не помехой, а сильным рычагом индивидуального совершенствования. Столь же несостоятельно утверждение К.П. Иванова о том, что «обезличенная подготовка военного специалиста определила такую архаическую особенность сознания, которая проявляется в неразвитости собственного «я», в неумении отделить себя от коллектива»⁴². Неужели наши командиры Великой Отечественной войны были неразвиты, несамостоятельны? Где он видел обезличивание? Разве в вузах не было индивидуального подхода? Наоборот, командиры всех степеней обогащались способностью умело использовать силу коллектива для формирования личности воина.

³⁸ Актуальные проблемы вузов ВВС. Выпуск II. М., 1995. С. 45.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 8, 11.

⁴² Там же. С. 12.

Нельзя согласиться с отрицанием З.Т. Соболевской «коллективных форм обучения», опиравшейся при этом на высказывания Н. Бердяева, который писал, что «всякая посредственность есть существо коллективное»⁴³. Не верно, что все коллективисты посредственные люди. Неужели можно называть посредственным человеком Л. Толстого, неумоимо ратовавшего за коллективизм. Да и знаменитый русский философ В. Соловьев выступал за соборность. Кому неизвестно, что с незапамятных времен применялся принцип военного искусства о взаимодействии. Только тот, кто хочет поражения армии, ликвидирует коллективизм. Примечательно, что, призывая во всем следовать «цивилизованным» странам, почему-то настаивающие на этом забывают о широко распространенном там принципе коллективизма при обучении и воспитании воинов, всего населения. В большинстве школ и вузов США занятия начинаются с прослушивания государственного гимна, в каждом классе имеется флаг страны. Разве это не свидетельство становления у жителей США чувства общенародного коллективизма? В США формирование коллективизма является составной частью системы идеологического воспитания.

Поэтому наивными выглядят все еще раздающиеся претензии на загруженность военного обучения идеологическим засильем. Так, К.П. Иванов считает, что следует «освободиться от длительно внедрявшейся в менталитет идеологизированности»⁴⁴. Неужели неведомо автору, что разрушители страны всегда видели импульс ее развала и в идеологии индивидуализма, безответственности и прочих идеологических кнутах истребления всего положительного.

Но ведь имеется другая, прогрессивная идеологизированность. Ее суть проступает в следующем утверждении нашего Президента, выраженном на приеме выпускников военных вузов: Вооруженные Силы «призваны соответствовать всем современным требованиям и при необходимости быть готовыми противостоять любым попыткам военно-политического давления на нашу страну». Таким же «идеологизированным» является его надежда на то, что офицеры «используют знания, опыт, профессиональные качества и чтобы растить достойную смену, и чтобы решать стоящие перед страной сложные задачи»⁴⁵.

---

⁴³ Актуальные проблемы вузов ВВС. Выпуск II. С. 46.

⁴⁴ Там же. С. 9.

⁴⁵ Красная Звезда. 2005. № 134.